

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-202-208

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

ПЕКАРЕВА В.В.,

магистрант юридического факультета Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: viktorina.pekareva@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕНАВИСТИ: ГДЕ ГРАНИЦА МЕЖДУ КРИТИКОЙ, НЕТЕРПИМОСТЬЮ И НЕНАВИСТЬЮ

Аннотация. Далеко не каждое выражение ненависти, в том числе использование языка вражды, квалифицируется как уголовно наказуемое деяние. Действия, продиктованные предвзятостью, если они не сопряжены с насилием, угрозами жизни или порчей имущества, классифицируются как инциденты на почве нетерпимости. Подобные проявления, несмотря на их этическую неприемлемость, деструктивный характер и демонстрацию низкого уровня или напроочь отсутствия эмоционального и ментального интеллекта, не подпадают под категорию уголовно преследуемых преступлений. Однако это способствует интенсивной эскалации от неприятия и непринятия к ненависти, что знаменуется утратой объективности и возникновением целенаправленной агрессии, и как следствие распространением и укреплением экстремистских взглядов и движений в обществе. Подвергаются изучению и анализу такие смежные понятия, которые формируют представление о соответствующем типе противоправного поведения. В статье обозначаются и выявляются как сложности доктринального и правоприменительного толкования, так и острые в контексте уголовно-правовой политики социальные проблемы, обусловленные разрушительными последствиями преступлений на почве ненависти, потому что они выходят за рамки ущерба, нанесенного отдельной жертве, в частности, в контексте цифрового пространства и сложной международной обстановки.

Ключевые слова: преступления ненависти, социальная обусловленность, экстремизм, ксенофобия, радикализм, ненависть, нетерпимость, вражда.

PEKAREVA V.V.,

Master's student of Law Faculty Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

THE SOCIO-LEGAL NATURE OF HATE CRIMES: WHERE DOES THE LINE LIE BETWEEN CRITICISM, INTOLERANCE AND HATRED?

Annotation. By no means does every expression of hatred, including the use of hate speech, constitute a criminal offence. Acts motivated by prejudice, provided they do not involve violence, threats to life or damage to property, are classified as incidents of intolerance. Such manifestations, despite their ethical unacceptability, destructive nature and demonstration of a low level or complete lack of emotional and mental intelligence, do not fall within the category of criminally prosecutable offences. However, this contributes to a rapid escalation from rejection and non-acceptance to hatred, which is marked by a loss of objectivity and the emergence of targeted aggression, and consequently leads to the spread and entrenchment of extremist views and movements within society. The study examines and analyses related concepts that shape the understanding of the relevant type of unlawful behaviour. The article identifies and highlights both the complexities of doctrinal and law enforcement interpretation and the acute social problems in the context of criminal justice policy caused by the devastating consequences of hate crimes, as these extend beyond the harm inflicted on an individual victim, particularly in the context of the digital space and a complex international situation.

Key words: hate crimes, social determinants, extremism, xenophobia, radicalism, hatred, intolerance, hostility.

*Люди ненавидят друг друга, потому что
они боятся друг друга; боятся, потому что ничего
друг про друга не знают; не знают, потому что не общаются,
а не могут общаться, потому что разделены.*

Мартин Лютер Кинг

В процессе социального взаимодействия человек формирует собственную идентичность, осознает свое внутреннее и постепенно или сразу принимает его, формируя позицию, ценности и взгляды. Данная особенность определяет двойственную природу мировосприятия: картина мира каждого глубоко индивидуальна, однако неизбежно складывается под влиянием внешних условий и общественного воздействия. Когнитивные и ценностные установки формируются под воздействием социализации, других людей и государства, в котором живет. Индивид выстраивает собственную систему координат, которая впоследствии служит основой для интерпретации окружающей действительности. Любые поведенческие проявления и социальные явления оцениваются исключительно через призму глубоко усвоенных убеждений. В данный момент следует вспомнить о рефлексивной способности личности — умении критически осмысливать собственные суждения и выявлять их социальную обусловленность. Индивид, обладающий развитой рефлексией, способен дистанцироваться от навязанных извне нормативных конструктов и формировать более автономную систему суждений. Именно эта способность к самоанализу отличает подлинно критическое мышление от некритического воспроизведения социально одобряемых паттернов. Кроме того, частью морального существования и морального отношения к другим людям является серьезное восприятие их идей; и не поступать так, требуя при этом серьезного отношения к своим собственным идеям, подразумевает не просто эгоизм или незаконное требование для себя привилегированного положения, но — аморальность в самом глубоком смысле этого слова, неспособность к уважению человеческой личности, что указывает на обязанность понимать идеи, могущие быть чужими, неприятными и даже злыми, но все же имеющими право требовать нашего внимания, поскольку они также являются глубокими убеждениями людей. Также это не означает, что непременно нужно видеть какое-либо достоинство в тех мнениях, с которыми не согласен; но долг — уважать тех, кто имеет эти мнения, и относиться к ним как к рациональным моральным субъектам, чьи взгляды можно

обсуждать и оспаривать и которые способны к рациональному изменению своих убеждений. Конечно, следствием этого отношения может стать и проверка его собственных идей, лучшее понимание их значения и их следствий; что может, в свою очередь, вести к некоторому их развитию, даже к изменению или отвержению некоторых из них, либо к их укреплению[7].

Когнитивный диссонанс, возникающий при столкновении усвоенных убеждений с альтернативными системами ценностей, нередко выступает катализатором пересмотра прежних установок и расширения границ индивидуального мировосприятия. Однако это лишь у тех, кто здраво оценивает внешние факторы и свою внутреннюю природу и состояние, остальные же по различным причинам, в большинстве своем при незрелости и неразумности, выбирает путь агрессии и заикленности на одной позиции и сформировавшемся мнении, отрицая любое иное, хоть немного отличающееся от их «привычного». Склонность к дихотомическому мышлению, то есть к восприятию действительности исключительно в категориях «всё или ничего», «свои или чужие», существенно сужает способность человека к поиску компромиссных решений. Сложность и противоречивость реального мира становятся для него невыносимы, а потому он тяготеет к идеологиям, предлагающим предельно упрощённые, но внутренне непротиворечивые объяснения происходящего. Насилие как часть внешнего проявления ненависти в действительности в эмоционально-психическом плане представляет собой характерное отсутствие эмпатии, поскольку накопившиеся мысли и чувства сформировали достаточный уровень отрицательных рычагов к совершению противодухонного посягательства на границы другого человека[11]. Следует подчеркнуть, что ни одно из перечисленных свойств само по себе не предопределяет экстремистского поведения, основой которого являются ненависть как в широком, так и узком смысле, а также непосредственно позиция вражды. Решающую роль играет совокупность факторов: социальный контекст, наличие или отсутствие защитных и противоправных механизмов, степень психологической поддержки со стороны окружения, а также критический момент, в

который человек оказывается особенно уязвимым для внешнего радикализирующего воздействия. Уважение и равные права всех граждан являются необходимыми предпосылками существования любого стабильного общества. Преступления, вызванные предвзятым отношением к определенным особенностям человека, не соответствуют этим ценностям[10].

Придерживаясь позиции, что преступления ненависти не исчерпываются действиями, способствующими разжиганию ненависти или вражды, а также направленными на унижение чести и достоинства отдельных лиц или социальных групп по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, религиозных убеждений или принадлежности к определённой социальной группе, а именно исключительно формами противоправного поведения экстремистской направленности. Поскольку к категории преступлений ненависти разумно относить также такие составы как п. «л» ст. 105, п. «е» ст. 112, п. «б» ст. 115, ст. 136, п. б ч.1 ст.213 УК РФ и иные, а не отождествлять исключительно с экстремизмом. Поэтому далее мы будем раскрывать то, что относится к подобному общественно-опасному поведению в совокупности, опираясь на выбранный подход. При нем невозможно оставить без внимания рассуждения Я. В. Малининой, которая аналогично отстаивает мнение о месте ненависти в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, а именно в таких проявлениях как обязательный конструктивный признак состава преступления, являющий собой чаще всего оценочное понятие, либо непосредственно не отражается в признаках состава преступного посягательства, однако непосредственно выступает неотъемлемой его составляющей. Не являются исключением в данном случае преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды, которые, как правило, в уголовно-правовой доктрине и в правоприменительной практике, как экстремистские преступления, что является неверным[6]. Преступления на почве ненависти, по сравнению с обычными преступлениями, оказывают более широкое негативное воздействие на жертв, что, в свою очередь, вызывает страх у людей, имеющих те же характеристики, что и жертвы, и приводит к серьезному беспокойству в обществе, а также подрывает основополагающие ценности демократического государства, гарантирующие уважение прав человека и достоинства личности и сообщества, групп, а также основные ценности, заключающиеся в том, что никто не должен подвергаться дискриминации или угрозам по любым признакам. При рассуждениях о

криминальной модели на первое место уместно будет ставить личные характеристики того, кто совершил насилие или предрасположен к этому (уровень образования, пол, возраст, уровень дохода, занятость, наличие семьи), а также необходим анализ предполагаемых причин и условий для совершения насилия, т.е. именно то, что стало решающим фактором в сознании в пользу выбора противоправного пути. Логично, что эмоции, личные предубеждения, мысли точно также толкают на совершения насильственных действий, как и недостаточный уровень правосознания и нравственности[11]. Истоки радикального мировоззрения лежат в категорическом отказе принимать окружающую действительность такой, какова она есть. Понятие «hate crime», а именно «преступление ненависти», Я.И. Гишинский объективно раскрывает через такие категории, как нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть, совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти или вражды, что есть закономерный, необходимый и неизбежный результат колоссального разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства («включенных», «included») и нищего и полуннищего большинства населения («исключенных», «excluded»)[3].

Подобную позицию можно встретить и в трудах зарубежных авторов. Так, Дж. Джейкоб и К. Поттер неспроста отмечают, что преступления ненависти - прежде всего преступления, порождаемые предубеждением, предрассудком и мотивированы предубеждением. По Джейкобу и Поттер, «Hate crime» (преступления ненависти) есть социальный конструкт. Такой непривычный, несамоочевидный термин, придуманный в конце 80-х для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях[12]. С.Н. Фридинский, в свою очередь, предложил так определять и экстремизм: «следует понимать социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими»[9]. Данную мысль можно проиллюстрировать сравнением с тем, что достаточно контакта или знания о его демонстрации крайней формы радикальных воззрений, чтобы сделать выводы о том, как он поведёт себя в предполагаемой

и (или) реальной ситуации, другими словами, это как потянуть за ниточку и размотать, вытянуть хаотичный «клубок» того, что стало определяющим фактором для решения придерживаться разрушительных взглядов, действий, какие цели и мотивы преследует, его методы решения тех обстоятельств и вопросов, которые экстремист считает проблемными, так как они выходят за границы его мировоззрения, «инструмента интерпретации» и кажутся неправильными и нетипичными. Л.В.Баева развивает подобную мысль и справедливо отмечает, что если все же удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и в то же время, с другой — сохранить приверженность своим собственным убеждениям[1].

Человек, придерживающийся подобных взглядов, убеждён в том, что существующий порядок вещей подлежит коренному пересмотру — и воспринимает реальность искаженно. Собственные убеждения при этом возводятся в ранг абсолютной истины, не допускающей ни обсуждения, ни сомнения. Всё, что хоть в малейшей степени расходится с личной системой координат, немедленно клеймится и осуждается. Мир воспринимается исключительно в чёрно-белых категориях, без полутонов и сложностей. Именно детерминирующие факторы, а отнюдь не внешние симптомы, формируют ту среду, в которой экстремистские тенденции обретают питательную почву. Понимание механизмов их зарождения, характера протекания и прогрессирования, а также степени их воздействия на различные грани общественного бытия и взаимодействующих друг с другом людей создаёт необходимые предпосылки для выработки обоснованных и, как правило, результативных решений. Помимо конкретных инцидентов, связанных с нападениями на граждан, достаточно распространенной является вербальная агрессия, проявляющаяся как в ходе межличностных коммуникаций, так и с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»[5].

Наконец, на доктринальном уровне требуется развёрнутое научное осмысление соотношения понятий «вражда» и «ненависть», связанных друг с другом, но не подменяющих свой смысл с привлечением инструментария юридической психологии и сравнительного правоведения для нивелирования текущего объединения формулировок рассматриваемых категорий и обозначения необходимости конкретного разграничения с указанием на самостоятельное доказательственное значение каждого из мотивов в интересах обеспечения

законности и защиты прав граждан от произвольного и «механического» уголовного преследования. Ненависть — это именно чувство сильной вражды, злобы индивида, а вражда — противостояние (конфликт) с конкретной личностью либо же социальной группой, содержащие осознанное отношение виновного лица и совершенные им действия, в которых будет прослеживаться ненависть, неприязнь к объекту вражды[4]. Ненависть как психологическая категория представляет собой устойчивое эмоциональное состояние субъекта, выражающееся в крайне негативном отношении к определённой социальной группе. Вражда же предполагает активную неприязненную установку, ориентированную на противостояние и причинение вреда, то есть включает поведенческий компонент, выходящий за рамки сугубо эмоциональной сферы. Следовательно, данные понятия соотносятся не как синонимы, а как самостоятельные, хотя и взаимосвязанные, психологические конструкты, каждый из которых обладает собственным юридически значимым содержанием. Ряд исследователей полагает, что «вражда» связана прежде всего с конкретными внешними проявлениями поведения субъекта, тогда как «ненависть» носит внутренний, латентный характер и выражает устойчивую агрессивную установку по отношению к определённым лицам или группам в зависимости от социальных, гендерных и иных факторов. Такое разграничение, безусловно, имеет практическое значение, однако без закреплённых в законе определений оно остаётся лишь доктринальным суждением, не влекущим обязательных правовых последствий. Ни уголовный закон, ни сложившаяся правоприменительная практика не предлагают официального разграничения между этими категориями. Отсутствие законодательных дефиниций вынуждает обращаться к этимологическому анализу, который, впрочем, лишь усугубляет ситуацию.

Все граждане и иные лица, находящиеся на территории государства, равны перед законом и судом, расшифровывая в более широком смысле это приводит к пониманию, что права и свободы человека и гражданина не могут зависеть от принадлежности к мужскому или женскому полу, расы, национальности, языка, места жительства, положения в обществе, отношения к религии, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. Уважение к правам и свободам личности является фундаментальным условием для существования, устойчивого развития и благополучного будущего любого общества.

Уместно будет привести слова Бориса Николаевича Чичерина: «признание человека свободным лицом составляет величайший шаг в историческом движении гражданской жизни; оно обозначает ту ступень, на которой гражданский порядок становится истинно человеческим...». «Свобода» в законодательстве не только юридически признанная возможность каждого избирать вид и меру своего поведения как человека, как гражданина государства, но и в большей правомочия личности, связанные со сферой самостоятельности, защищающие от вмешательства в ее внутренний мир: свободы совести, вероисповедания, мысли, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Ненасилие может представлять собой не столько путь смирения, сколько путь преобразования каждого из нас в отдельности[11]. Подтверждает описанную аксиому мысль великая, однако не относящаяся никак к обсуждению Томаса Эдисона: «Ненасилие руководит высшей этикой, которая является целью всей эволюции. Пока мы не прекратим вредить другим живым существам, мы будем оставаться дикими».

Для концептуализации понятий равенства и свободы представляется целесообразным обратиться к статье 19 Конституции Российской Федерации. Данная норма постулирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также иных обстоятельств. Конституционное положение налагает запрет на любые формы дискриминации и ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, при этом особый акцент делается на паритетности прав, свобод и возможностей для их реализации между мужчинами и женщинами. Далее уместно обратиться к статье 22 Конституции РФ: «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность», упомянув при этом слова и позицию Константина Вольней, которые снимут все вопросы об их значимости в законодательстве, отражающем права и свободы личности: «равенство и свобода – естественные и неизменные основы человеческого единения и, следовательно, необходимый и основной принцип всякого закона и всякой правильной системы правления». Права человека совершенно не отдельная и не новая модель, права и свободы, обязанности формировались в должном виде в течение всей истории, обретая свою форму и должную реализацию, поскольку недостаточно

было ученым и философам говорить о ценности личности, нужно было, чтобы и государство старалось пропагандировать и реализовать это на практике. Сочетание справедливости и законности – сложная и многоступенчатая вещь правосознания сейчас, однако именно она дает нужное «зеркало», через которое следует смотреть человеку на жизнь[8].

Кроме того, дело в том, что толерантность предполагает некую необходимость примирения индивида с некоторыми отклонениями, выходящими за рамки его системы ценностей, а это может привести к внутреннему конфликту. «Если удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и в то же время, с другой — сохранить приверженность своим собственным убеждениям. Вот эта борьба между приверженностью собственным взглядам и признанием позиции и убеждений других определяет толерантность как внутренне напряженную категорию, более сложную для понимания по сравнению с интолерантностью»[1].

Далее необходимо обратиться к дедуктивному методу, с помощью которого можно представить связанные между собой дефиниции, которые отличаются лишь степенью крайности и опасности, формой проявления: радикализм-экстремизм-терроризм. О подобном соотношении рассуждать является одним из правильных решений. Осредствах возможностей вмешательства и противодействия со стороны правоохранительных органов в принципе можно обращаться в большей степени при последних двух упомянутых категориях, поскольку речь пойдет уже о случае, когда человеком были преодолены границы, запрещенные законом и его поведение и поступок позволяет подвергнуть его к наказанию (административному или уголовному), другими словами, юридически оценить. Тут стоит добавить, что экстремисты не просто отрицают любые формы противоположных взглядов, но и стремятся уничтожить их носителей, о чем рассуждают как раз А. Н. Вердиханова и Н. И. Голубкова.

Делить по степени важности противодействие экстремизму, радикализму и терроризму не является чем-то разумным, поскольку экстремизм и радикализм являются «почвой» того, что со временем перерастает в терроризм.

Многие учёные, в частности, Журавский А. не спроста представляет экстремизм, как крайний радикализм, поскольку это ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели, достижение которых осуществляется насильственным, нелегитимными (с точки зрения государства)

и неправовыми методами и средствами (терроризм, разжигание религиозной, расовой ненависти, вооруженные восстания и пр.). А. Н. Вердиханова и Н. И. Голубкова объективно отмечают, что «экстремисты не просто отрицают любые формы противоположных взглядов, но и стремятся уничтожить их носителей» [2]. Не каждый радикалист в конечном итоге пойдет по жесткой форме безнравственного, противозаконного и разрушительного как для самого себя, так и для государства пути, однако каждый экстремист и террорист является радикалистом, даже можно уточнить, что в самой крайней и изощренной форме, поскольку первый задумывается лишь о возможности насилия, то последние это претворяют на практике (переход от исключительно внутренней стороны сознания и восприятия, то есть приверженности убеждений и взглядов, теоретического стремления к радикальным изменениям, в первую очередь основ конституционного строя, к реализации уже на практике). В. Коряковцев, К. В. Питулько, А. А. Сергеева, справедливо подмечают, что предубеждение, подпитывается убежденностью субъекта в превосходстве над лицами, на которых может быть распространен защищаемый признак, что облегчает формирование умысла на совершения нападения [5]. Кроме того, в цифровую эпоху роль интернета и социальных сетей как медиаторов радикализации стала критическим фактором: платформы ускоряют распространение дезинформации, способствуют формированию информационных пузырей и облегчают сетевую мобилизацию приверженцев экстремистских нарративов.

Очевидно, что всё начинается с неприятия того, что есть вокруг, и твердой уверенности в том, что реальность требует полного переустройства. Каки обозначалось ранее, сознание превращается в селективный фильтр, отсеивающий всё, что не соответствует сложившейся картине враждебной реальности. Незначительный взгляд случайного прохожего воспринимается как немое осуждение, а обыденная реплика коллеги — как завуалированная издевка. Внешние события последовательно подстраиваются под изначальную внутреннюю установку, замыкая порочный круг. За этим, как правило, стоят глубокие и неразрешённые психологические противоречия. Если попробовать описать, как именно устроено это восприятие, то картина выглядит примерно так: любые авторитеты и нравственные ориентиры отвергаются с «порога», собственная точка зрения навязывается как единственно верная, а всё, что хоть немного расходится с личными установками, подвергается беспощадному осуждению. Каждое новое подтверждение лишь укрепляет

исходную позицию, сужая возможность для альтернативного восприятия. Когнитивные искажения и направление ошибочных неправильных мыслей — это совершенно разные вещи. Когнитивные искажения носят системный характер, но поддаются корректировке; они представляют собой глубинные ошибки ввода или врождённые свойства мозга. В отличие от них, векторы ошибок влияют на процессы обработки, сохранения и обобщения знаний. Когнитивные искажения могут влиять на каждого человека, тогда как векторы ошибок формируют специфический стиль мышления, степень выраженности которого зависит от силы вектора. В результате индивид оказывается в капкане собственных убеждений, где единственной опорой остаётся чувство ненависти. Отказаться от него представляется пугающим, потому что такой шаг потребует признания собственной неправоты, переосмысления существующего мировоззрения, и главного, что терзания себя и других и сформировавшиеся установки годы были напрасны, а путь к освобождению и нормальному существованию был изначально.

Список литературы:

- [1] Баева Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура / ГБОУ ВПО «Астрахан. гос. ун-т». 2008 № 3 С. 21—25.
- [2] Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 4. С. 21–32. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-4-3
- [3] Гилинский Я.И. Социальное насилие: Монография / Я.И. Гилинский. – ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013 СПб. – 185 с.
- [4] Гончаров Ю. Н. Преступления, совершенные на почве политической, идеологической или религиозной ненависти или вражды, как проявление социального конфликта / Ю. Н. Гончаров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 2(163). – С. 234-240. – DOI 10.24412/2227-7315-2025-2-234-240.
- [5] Коряковцев, В. В. Преступления на почве ненависти, феномен hate speech, практика Европейского суда по правам человека и российский подход к определению экстремистской деятельности / В. В. Коряковцев, К. В. Питулько, А. А. Сергеева // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 106-122. – DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(1).106-122.
- [6] Малинина Я. В. особенности насилия

в преступлениях, совершаемых по мотивам ненависти или вражды / Я. В. Малинина // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Пермь, 06–08 апреля 2021 года. Том 2. – ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 93-94.

[7] Николсон Р. Р. Толерантность как моральный идеал// Аспекты толерантности. Философские исследования /Nicholson P. P. Toleration as a Moral Ideal//Aspects of Toleration. Philosophical Studies / Ed. Be J. Horton and S. Mendus. L; N.Y., 1985. P. 158-173. Перевод с английского Я. Р. Абдуллина, М. Б. Хомякова

[8] Пекарева, В. В. Исследование истоков правосознания для понимания нынешнего / В. В. Пекарева // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2022. – № 27. – С. 89-99.

[9] Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизм) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) 6 автореф. дисс. Доктора юрид. Наук. М., 2011 С.8.

[10] Хамутовская, Ю. П. Общая характеристика научных и правовых подходов к профилактике преступлений совершенных на почве ненависти / Ю. П. Хамутовская, А. С. Мороз // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № S1. – С. 165-168.

[11] Шмаева Т. А. Взаимосвязь ненасилия и насилия сквозь призму диалектического подхода / Т. А. Шмаева, В. В. Пекарева, Д. В. Печерский // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 35-40. – DOI 10.25799/NI.2023.78.55.00

[12] Jacobs J., Potter K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998

References:

[1] Baeva L. V. Extremism: nature and forms of manifestation//Caspian region: politics, economy, culture/GBOU HPE "Astrakhan. state. un-t." 2008 NO. 3 S. 21-25.

[2] Verdikhanova A. N., Golubkova N. I. Rehabilitation of Nazism and the spread of neo-Nazi views as a form of extremist activity in modern conditions//Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2022. VOL. 10, NO. 4. S. 21-32. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-4-3

[3] Gilinsky Y.I. Social violence: Monograph/ Y.I. Gilinsky. - Alef-Press Publishing House LLC, 2013 St. Petersburg. - 185 s.

[4] Goncharov Yu. N. Crimes committed on the basis of political, ideological or religious hatred or enmity, as a manifestation of social conflict/Yu. N. Goncharov//Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2025. – № 2(163). – S. 234-240. – DOI 10.24412/2227-7315-2025-2-234-240.

[5] Koryakovtsev, V.V. Hate crimes, hate speech phenomenon, practice of the European Court of Human Rights and the Russian approach to defining extremist activities/V.V. Koryakovtsev, K.V. Pitulko, A.A. Sergeeva//Law enforcement. – 2020. – T. 4, NO. 1. – S. 106-122. – DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(1).106-122.

[6] Malinina Y. V. peculiarities of violence in crimes motivated by hatred or enmity/Y. V. Malinina// Penitentiary system and society: experience of interaction: Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Perm, April 06-08, 2021. Volume 2. - FKOUE Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. - S. 93-94.

[7] Nicholson R. R. Tolerance as a moral ideal//Aspects of tolerance. Философские исследования /Nicholson P. P. Toleration as a Moral Ideal//Aspects of Toleration. Philosophical Studies / Ed. Be J. Horton and S. Mendus. L; N.Y. , 1985. P. 158-173. Translated from English by Y. R. Abdullin, M. B. Khomyakov

[8] Pekareva, V.V. Study of the origins of legal consciousness to understand the current/V.V. Pekareva//Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical-methodological aspects." – 2022. – № 27. - S. 89-99.

[9] Fridinsky S.N. Countering extremist activities (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research) 6 author. diss. Jurid doctors. Sciences. M., 2011 S.8.

[10] Khamutovskaya, Yu. P. General characteristics of scientific and legal approaches to the prevention of hate crimes/Yu. P. Khamutovskaya, A. S. Moroz//Bulletin of Vladimir Dahl Lugansk State University. – 2023. – № S1. - S. 165-168.

[11] Shmaeva T. A. The relationship between non-violence and violence through the prism of the dialectical approach/T. A. Shmaeva, V. V. Pekareva, D. V. Pechersky//Modern law. – 2023. – № 7. - S. 35-40. – DOI 10.25799/NI.2023.78.55.00

[12] Jacobs J., Potter K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998